

Научная статья
УДК 340.5:342:347.6
EDN: <https://elibrary.ru/losnio>
НИОН: 2003-0059-2/26-501
MOSURED: 77/27-003-2026-02-700

Регулирование брачно-семейных отношений с участием иностранцев в рамках Содружества Независимых Государств

Олеся Алексеевна Ищенко

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова, Хабаровск, Россия,
ishenkolesya@mail.ru

Аннотация. Проведен сравнительно-правовой анализ Кишиневской и Минской Конвенций «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» в части регулирования брачно-семейных отношений, выделены некоторые различия данных правовых актов. Отдельные положения Конвенций проиллюстрированы примерами из судебной практики, разъяснены указанием на нормы национального семейного законодательства стран — участников СНГ. Выделены проблемные аспекты, нуждающиеся в дополнительном законодательном разъяснении.

Ключевые слова: регулирование брачно-семейных отношений в рамках СНГ, судебная практика о разрешении семейных споров с участием иностранцев, взаимодействие компетентных органов стран СНГ, сравнительный анализ Конвенций

Для цитирования: Ищенко О. А. Регулирование брачно-семейных отношений с участием иностранцев в рамках Содружества Независимых Государств // Вестник Московского университета МВД России. 2026. № 2. С. 100–108. EDN: LOSNIO.

Original article

Regulation of marriage and family relations involving foreigners within the framework of the Commonwealth of Independent States

Olesya A. Ishchenko

Far Eastern Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russia,
ishenkolesya@mail.ru

Abstract. A comparative legal analysis of the Chisinau and Minsk Conventions «On Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters» regarding the regulation of marriage and family relations has been carried out, and some differences between these legal acts have been highlighted. Some provisions of the Conventions are illustrated with examples from judicial practice, explained by reference to the norms of the national family legislation of the CIS member countries. Problematic aspects that need additional legislative clarification are highlighted.

Keywords: regulation of marriage and family relations within the CIS, judicial practice on the resolution of family disputes involving foreigners, interaction of competent authorities of the CIS countries, comparative analysis of Conventions

For citation: Ishchenko O. A. Regulation of marriage and family relations involving foreigners within the framework of the Commonwealth of Independent States. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026;(2):100–108. (In Russ.). EDN: LOSNIO.

Семейные правоотношения составляют значительную часть правовой практики, охватывая вопросы заключения и расторжения брака, определения места жительства детей, уплаты алиментов и иные аспекты, нередко имеющие трансграничный характер. Учи-

тывая историческую общность правовых традиций стран СНГ, упрощенный порядок пересечения границ и проживания граждан, многочисленность смешанных семей, а также активные экономические связи между государствами, унификация норм семейного

права становится не только теоретической задачей, но и практической необходимостью для обеспечения правовой определенности граждан.

Несмотря на историческую преемственность государств-участников Содружества Независимых Государств, обусловленную их принадлежностью к единому государственному образованию в прошлом, существенные различия в национальных, культурных и религиозных традициях обусловили необходимость выработки межгосударственных правовых механизмов, направленных на урегулирование коллизий, возникающих в сфере семейных правоотношений между гражданами государств — членов СНГ.

Важнейшим инструментом правового сотрудничества в указанной сфере выступает Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная 7 октября 2002 г. в г. Кишиневе (далее — Кишиневская конвенция) [2]. Данный акт пришел на смену Минской конвенции 1993 г. [3], сохраняющей действие в отношениях между государствами, не присоединившимися к Кишиневской конвенции, тем самым обеспечивая преемственность и гибкость правового регулирования в рамках СНГ.

Раздел III Кишиневской конвенции (ст. 29–40) регулирует коллизионные аспекты семейных правоотношений.

Ключевое значение для определения применимого права при заключении брака имеет ст. 29, устанавливающая правила для случаев, когда будущие супруги имеют разное гражданство либо являются лицами без гражданства. Сохраняя преемственность со ст. 26 Минской конвенции, данная норма закрепляет двойственную коллизионную привязку: материально-правовые условия заключения брака определяются личным законом каждого из супругов (законодательством государства гражданства, а при его отсутствии — законодательством государства постоянного места жительства), тогда как форма брака и препятствия к его заключению подчиняются законодательству государства, на территории которого осуществляется государственная регистрация.

Указанные коллизионные правила корреспондируют с положениями ст. 156–158 Семейного кодекса Российской Федерации [8] и подчеркивают необходимость комплексного учета как личного закона сторон, так и *lex loci actus* (закона места совершения юридически значимого действия). В частности, в отношении лиц без гражданства применяется законодательство государства, с которым у лица имеется наиболее тесная правовая связь (как правило — место жительства). При этом соблюдение препятствий к заключению брака, установленных законодательством страны регистрации, носит императивный характер: их наличие лишает возможности заключить союз независимо от допустимости такого брака по личному закону сторон.

Таким образом, например, гражданин России и гражданка Узбекистана, регистрируя брак на территории Российской Федерации должны учитывать установленные ст. 10–14 СК РФ требования к вступающим в брак в отношении жениха, а также установленные ст. 14–17 СК РУ [7] требования в отношении невесты и закрепленные в ст. 14 СК РФ запреты на вступление в брак в отношении обоих брачующихся. При этом, правила и процедуры заключения брака будут регламентироваться ст. 10, 11, 15 СК РФ и ст. 24–30 ФЗ «Об актах гражданского состояния» [9]. В данной ситуации единственной отличающейся нормой является процедура снижения брачного возраста. Если по российскому законодательству возможно снижение возраста в связи с беременностью, рождением ребенка и иным особым обстоятельством до 16 лет (а при наличии закона субъекта и ниже), то семейный кодекс Республики Узбекистан предусматривает снижение возраста по разрешению хокима района (города) только на один год от установленного общего брачного возраста, т. е. до 17 лет. Также снижается брачный возраст по семейному кодексу Республики Азербайджан [4]. Помимо этого, Семейный кодекс Азербайджанской Республики в ст. 13 обязывает будущих супругов пройти медицинское обследование, а ст. 12 СК РА указывает на непрохождение обследования в качестве препятствия к заключению брака. А по правилам, установленным семейным законодательствам Республики Таджикистан [6], брачный возраст снижается не более чем на один год только по решению суда, в который лица, намеревающиеся вступить в брак, могут обратиться с достижением семнадцатилетнего возраста (п. 3 ст. 13 СК РТ).

При регистрации брака на территории иного государства-участника Содружества Независимых Государств помимо общих коллизионных норм могут применяться дополнительные национальные требования. Так, согласно ст. 12 Семейного кодекса Республики Таджикистан, в случае если одна из сторон, вступающих в брак, является иностранным гражданином или лицом без гражданства, законодательство Республики Таджикистан устанавливает дополнительные условия: факт постоянного проживания на территории Республики Таджикистан в течение не менее одного года, непосредственно предшествующего подаче заявления и обязательное заключение брачного договора. Подобные положения отражают тенденцию к усилению формального контроля при заключении «смешанных» браков и свидетельствуют о сохранении значимости *lex domicilii* и *lex loci celebrationis* в национальных правовых порядках государств СНГ.

Коллизионное и юрисдикционное урегулирование вопросов расторжения брака в правовом пространстве СНГ претерпело значительную трансформацию в результате принятия Кишиневского протокола 2002 г. к Минской конвенции 1993 г. Ст. 31–32 Протокола

закрепляют иерархическую систему привязок, где приоритет отдается *lex patriae* (закону гражданства) при едином гражданстве супругов, а при его отсутствии — *lex domicilii communis* (закону совместного места жительства). Данная конструкция отражает глобальную тенденцию к «домицилизации» коллизионных привязок в семейном праве, наблюдаемую, в частности, в Регламенте (ЕС) № 1259/2010 (Рим III), допускающем выбор права супругами.

Принципиальное нововведение ст. 32 Протокола состоит в замене расплывчатой формулировки «учреждения Договаривающейся Стороны» (ст. 29 Минской конвенции) на четкое указание на «учреждения юстиции». Такая терминологическая конкретизация не носит формального характера: она устраняет правовую неопределенность, возникавшую в практике государств СНГ при квалификации административных органов как субъектов международной юрисдикции, и гармонизирует конвенционный механизм с принципом *judex non calculat* — требованием исключительной судебной компетенции по спорам, затрагивающим личные неимущественные права.

Интерес представляет коллизия между конвенционным механизмом и национальным законодательством. Так, ст. 160 СК РФ формально предоставляет супругам свободу выбора юрисдикции, однако на практике данная норма вступает в противоречие с правилом *lis pendens*, закрепленным в п. 3 ст. 32 Протокола: при параллельном обращении супругов в суды разных государств-участников приоритет получает решение, вступившее в силу первым. Как показывает практика Верховного Суда РФ (Определение от 15 марта 2023 г. № 49-КГ23-1), российские суды склонны применять данное правило формально, игнорируя критерий *forum conveniens*, что создает риски «юрисдикционного туризма» со стороны более процессуально активного супруга.

Особую научную ценность представляет анализ упрощенного порядка расторжения брака через консульские учреждения (п. 3 ст. 32 Протокола). Норма, ссылающаяся на Венскую конвенцию о консульских сношениях 1963 г., де-факто делегирует регулирование двусторонним консульским конвенциям, что приводит к фрагментации правового режима. Например, Консульская конвенция РФ и Кыргызстана 2000 г. (ст. 37, 42) допускает расторжение брака в консульстве при обоюдном согласии и отсутствии несовершеннолетних детей, тогда как аналогичная конвенция с Республикой Армения 2014 г. подобных полномочий не предусматривает. Такая дифференциация создает правовую асимметрию в рамках единого конвенционного пространства и требует гармонизации на уровне Совета глав государств СНГ.

Критический анализ выявляет существенный пробел в регулировании: Протокол умалчивает о коллизии между материальным семейным правом государств-участников. Различия в отлагательных сроках

на примирение (3 месяца по ст. 22 СК РФ против 6 месяцев по ст. 22 СК Таджикистана) или в критериях отказа в расторжении брака (возможность отказа при наличии оснований для сохранения семьи в Таджикистане) создают риски *forum shopping*. При этом конвенционный механизм не предусматривает механизма *renvoi* или *dépeçage* для частичного применения иностранного материального права, что противоречит современным тенденциям коллизионной техники.

Что касается признания брака недействительным (ст. 33 Протокола), то консолидация юрисдикционных правил в единой статье действительно упрощает применение по сравнению с Минской конвенцией 1993 г. Однако такая упрощенность оборачивается снижением гибкости: отказ от привязки к месту заключения брака (*lex loci celebrationis*), традиционно применяемой в большинстве национальных систем (включая ст. 158 СК РФ), может привести к признанию недействительным брака, действительного по *lex loci celebrationis*, но противоречащего *lex patriae* одного из супругов. Подобные коллизии остаются неразрешенными в конвенционном тексте.

Сравнительное рассмотрение коллизионных норм института брака, содержащихся в ст. 30 Кишиневской конвенции, свидетельствует о высокой степени их соответствия коллизионным положениям раздела VII Семейного кодекса Российской Федерации, регулирующим правоотношения с участием иностранных лиц. Каких-либо существенных коллизий между указанными правовыми системами не выявлено; напротив, конвенционный механизм реализует принципы близости, предсказуемости и защиты законных интересов сторон, что соответствует современным тенденциям международного частного права.

В отличие от дифференцированного подхода национальных кодексов, Кишиневская конвенция консолидирует коллизионные правила, касающиеся супругов, в единых положениях ст. 30. Так, согласно п. 1 указанной статьи, личные и имущественные правоотношения супругов подчиняются законодательству той Договаривающейся Стороны, на территории которой они имеют совместное место жительства. Данная привязка соответствует *lex domicilii* и является приоритетной в современной коллизионной доктрине, что подтверждается аналогичной нормой ст. 161 СК РФ.

При отсутствии совместного места жительства применяется иерархия дополнительных привязок:

- единое гражданство — *lex patriae* (п. 2);
- различное гражданство — *lex ultimi domicilii communis* (п. 3);
- отсутствие совместного проживания в государствах-участниках — *lex fori* (п. 4).

Отдельно оговаривается особый режим недвижимого имущества: его правовой статус и правоотношения, с ним связанные, регулируются *lex rei sitae* (п. 5). Это соответствует общепризнанному международному правилу и согласуется с положениями ст. 162 СК РФ.

Наконец, коллизионное регулирование личных и имущественных отношений супругов (ст. 30 Протокола) демонстрирует конвергенцию с европейскими стандартами: приоритет *lex domicilii communis* соответствует подходу Регламента Рим III, а специальная привязка *lex rei sitae* для недвижимости отражает универсальный принцип. Вместе с тем, иерархия дополнительных привязок (гражданство → последнее совместное место жительства → *lex fori*) создает риски применения *lex fori* в ситуациях, когда ни одна из сторон не имеет реальной связи с правопорядком суда, что противоречит принципу *proximity* — одному из краеугольных камней современного международного частного права.

Примечательно, что п. 6 ст. 30 закрепляет единство компетенции и применимого права: учреждение, правомочное рассматривать спор, определяется по тем же критериям, что и выбор подлежащего применению законодательства. Тем самым устраняется риск *forum shopping* и повышается правовая определенность. Отметим, что по сравнению с Минской конвенцией 1993 г. (ст. 28), Кишиневская конвенция уточняет терминологию — вместо обобщенного «учреждения» используется конкретное понятие «учреждения юстиции», что усиливает процессуальную определенность.

Вместе с тем, судебная практика показывает, что наиболее дискуссионным остается применение п. 5 ст. 30 в контексте раздела супружеского имущества, расположенного за пределами государства рассмотрения дела. Так, в деле Ганиевых о разделе совместно нажитого имущества, спор о квартире в Республике Азербайджан вызвал несогласованность судебных позиций: одни инстанции исключали объект из состава разделяемого имущества по формальному толкованию *lex rei sitae*, другие — включали, исходя из характера заявленного требования.

Ключевая правовая позиция была сформулирована Верховным Судом РФ в Определении от 20 июля 2021 г. [11], где подчеркнуто: иск о разделе совместно нажитого имущества не является иском о праве на недвижимость (в смысле ст. 30 п. 5), а направлен на изменение режима совместной собственности, т. е. представляет собой имущественный семейный спор, подведомственный суду по *lex domicilii* (п. 1 ст. 30). Таким образом, формальное отсылание к *lex rei sitae* без анализа предмета иска и природы требования ведет к ошибочному выводу о некомпетентности национального суда.

Согласно указанным фактам, при применении п. 5 ст. 30 Кишиневской конвенции требуется дифференцированный подход — различать иски, направленные на установление/оспаривание права собственности на недвижимость (*in rem*), и иски, вытекающие из семейно-правовых отношений, даже если предмет спора — недвижимость (*in personam*). Только такой подход обеспечит баланс между принципами *lex rei sitae* и *lex domicilii*, а также будет способствовать эффективной

защите прав субъектов семейных правоотношений в трансграничном контексте.

Следует отметить принципиальное различие между подходами национального законодательства и межгосударственных соглашений в регулировании алиментных обязательств. В отличие от внутренних правовых систем, где алиментные отношения выделяются в самостоятельный институт семейного права, Кишиневская конвенция не предусматривает отдельной коллизионной нормы, посвященной исключительно алиентам. Вместо этого положения, касающиеся алиментных обязательств, инкорпорированы в ст. 35, регулиующую правоотношения родителей и детей в целом.

Согласно п. 1 ст. 35, основной коллизионной привязкой при разрешении споров, связанных с правами и обязанностями родителей и детей (включая, *mutatismutandis*, взыскание алиментов на несовершеннолетних), признается место совместного проживания родителя и ребенка. При его отсутствии применяется альтернативная привязка: законодательство государства гражданства ребенка либо законодательство государства его постоянного места жительства. Доминирующее мнение в доктрине исходит из того, что данные правила распространяются именно на алиментные обязательства в отношении несовершеннолетних, поскольку они неразрывно связаны с содержанием и воспитанием ребенка как неотъемлемыми элементами родительской обязанности.

В случае взыскания алиментов в пользу родителей или иных совершеннолетних нуждающихся членов семьи (п. 2 ст. 35) иной подход реализуется через личный закон истца — т. е. применяется законодательство государства его гражданства. Такая дифференциация отражает различный правовой статус алиментных обязательств в зависимости от субъектного состава: если в отношении несовершеннолетних акцент делается на интересах ребенка (*best interest of the child*), то в отношении совершеннолетних получателей — на личной правосвязи алиментоплательщика и алиментополучателя.

П. 3 ст. 35 устанавливает, что подсудность дел, подпадающих под действие указанной статьи, определяется по тем же коллизионным привязкам (место совместного проживания, гражданство/место жительства ребенка или истца). П. 4 предусматривает, что исполнение решений, касающихся воспитания или проживания несовершеннолетнего (включая меры по обеспечению алиментных обязательств), осуществляется по *lex loci executionis* — т. е. по законодательству государства, на территории которого фактически проживает ребенок. Это обеспечивает эффективность правоприменения и согласуется с принципом приоритета интересов ребенка. Наконец, п. 5 закрепляет обязательство государств-участников по взаимодействию в розыске лиц, обязанных уплачивать алименты, что подчеркивает межгосударственный характер правовой помощи в данной сфере.

Сравнительный анализ с Минской конвенцией позволяет выявить эволюцию нормативных подходов. Первоначальная редакция ст. 32 (до внесения изменений Протоколом от 28 марта 1997 г.) содержала лишь три пункта и устанавливала в качестве основной привязки для споров по родительно-детским отношениям — место жительства ребенка, а для алиментных споров — место жительства получателя. Внесенные поправки унифицировали регулирование, устранив дублирование и сведя алиментные обязательства в рамках родительно-детских отношений к единой коллизионной конструкции, что и было зафиксировано в Кишиневской конвенции.

В контексте неимущественных семейных правоотношений особое значение приобретает регулирование вопросов установления и оспаривания происхождения. Ст. 34 Кишиневской конвенции (соответствует ст. 31 Минской конвенции) содержит коллизионную норму, определяющую применимое законодательство для данных процедур.

В отличие от Минской конвенции 1993 г., закрепившей моноцентричную коллизионную привязку к законодательству государства гражданства ребенка по рождению (ст. 29), Кишиневская конвенция 2002 г. институционализировала иерархический принцип определения применимого права (ст. 32). Такая конструкция отражает эволюцию коллизионной техники от формального критерия к функциональному подходу: приоритет отдается фактическому гражданству ребенка, а привязка к гражданству по рождению выступает лишь субсидиарным механизмом. Подобная трансформация не носит чисто редакционного характера — она решает практическую дилемму, возникающую в условиях роста числа апатридов и лиц с множественным гражданством: согласно данным УВКБ ООН (2024), в странах СНГ проживает свыше 45 тыс. детей без гражданства, что делает моноцентричную привязку к «гражданству по рождению» юридически бессодержательной.

Однако данная новация порождает коллизионный парадокс: в условиях конфликта между юридическим гражданством (по документам) и фактическим (по месту интеграции) суд вынужден решать вопрос о «невозможности определения гражданства» до применения материальной нормы. На практике это приводит к расхождению в правоприменении: Верховный Суд Республики Беларусь в определении № 3к-125/2023 от 17 апреля 2023 г. исходил из формального критерия (наличие паспорта), тогда как Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в деле № 56-14821/2024 (2024 г.) учитывала фактическую привязанность ребенка к правовой системе государства постоянного проживания. Таким образом, Кишиневская конвенция, стремясь к универсальности, де-факто делегировала ключевой вопрос толкования национальным судам, что подрывает цель унификации.

Что касается регулирования опеки и попечитель-

ства (ст. 36–39 Кишиневской конвенции), то здесь наблюдается парадокс терминологической дифференциации без содержательной модификации. Замена в ст. 39 формулировки «запрашиваемое учреждение» на «учреждение запрашиваемой Договаривающейся Стороны» формально усиливает межгосударственный характер взаимодействия, однако на практике не устраняет ключевую проблему: отсутствие единых стандартов квалификации «компетентного органа». Так, в Республике Казахстан полномочия по опеке разделены между органами опеки и прокуратурой (ст. 150 СК РК), тогда как в Российской Федерации исключительная компетенция закреплена за органами опеки и попечительства (ст. 35 СК РФ). Подобная фрагментация создает риски коллизии компетенции при трансграничной передаче опеки — проблема, которую конвенции 1993 г. и 2002 г. оставили без решения.

Наиболее принципиальное отличие проявляется в регулировании усыновления (ст. 40 Кишиневской конвенции). Введение оговорки «если иное не установлено законодательством государства гражданской принадлежности ребенка» (п. 1) знаменует смещение баланса интересов в пользу защиты прав ребенка как субъекта правоотношения, а не интересов усыновителя. Это соответствует современной тенденции международного семейного права, закрепленной в ст. 3 Конвенции о правах ребенка 1989 г. (интерес ребенка как определяющий фактор). Однако практическая реализация данного принципа сталкивается с коллизией между публичным порядком государства усыновителя и материальными условиями усыновления по закону страны гражданства ребенка. Яркий пример — запрет на однополые усыновления в большинстве государств СНГ при их допустимости в некоторых странах ЕС: при усыновлении ребенка-гражданина Молдовы гражданами Нидерландов коллизионная норма ст. 40 Кишиневской конвенции формально применима, однако ее реализация блокируется публичным порядком принимающего государства. Таким образом, конвенция создает иллюзию универсальности, не предлагая механизма разрешения подобных коллизий.

Отдельного внимания заслуживает нормативный пробел в части регулирования усыновления детей с двойным гражданством. Конвенции не устанавливают критериев выбора между двумя правовыми системами, что в условиях различий в минимальном возрасте усыновителя (25 лет в Молдове против 18 лет в РФ), установление предельного возраста усыновителя (50 лет в Молдове) [5] или запрета на усыновление неженатыми лицами в отдельных юрисдикциях создает правовую неопределенность. Представляется целесообразным дополнить ст. 40 Кишиневской конвенции правилом о применении закона государства фактического проживания ребенка как критерия разрешения коллизии при множественности гражданства — подход, уже апробированный в практике Суда ЕС (дело C-248/21, 2023 г.).

Как указывает в своем исследовании А. Н. Левушкин [13, с. 86], во всех странах законодатели уравнивают минимальную разницу в возрасте между усыновителем и усыновляемым. В Казахстане, Азербайджане, Кыргызской Республике — 17 лет, Таджикистане, Грузии — 18, в России и Беларуси необходима разница в 16 лет, в Молдове и на Украине — 15 лет. Во всех указанных случаях она может быть сокращена судом по причинам, признанным уважительными. Только в Таджикистане суд не наделен правом уменьшать разницу в возрасте между усыновителем и усыновляемым. При усыновлении отчимом (мачехой) разница в возрасте, как правило, не имеет значения. В законодательстве Украины существует еще одно исключение — при усыновлении детей родственниками такая разница не требуется. Все эти и некоторые другие нюансы необходимо анализировать и применять уполномоченным учреждениям с учетом тех коллизионных привязок, на которые указывают статьи Конвенций.

Граждане стран, входящих в состав Содружества Независимых Государств, активно общаются, вступают в браки, совместно воспитывают детей, в связи с чем достаточно актуальна тема унификации национальных законодательств и регламентации вопросов взаимодействия компетентных органов при регулировании брачно-семейных отношений с иностранным элементом и разрешении семейно-правовых споров, в которых сталкивается законодательство нескольких государств.

Сложность правового регулирования заключается в том, что семейные отношения с участием иностранцев и лиц без гражданства связаны сразу с двумя, а иногда и с несколькими государствами и, соответственно, с несколькими правовыми системами, в которых часто по-разному решаются вопросы брака и семьи: возраста и других условий вступления в брак, допустимости развода, распределения супружеского имущества, определения условий взыскания алиментов и т. п.

По существу, под иностранным элементом понимается определенная характеристика правоотношения, выявляющая связь с иностранным государством и дающая основания для постановки вопроса о подлежащем применению праве.

Иностранный элемент в семейных правоотношениях выступает в виде:

- 1) иностранного субъекта (иностранное гражданство хотя бы одного из его участников; отсутствие гражданства у хотя бы одного из членов семьи; проживание участников правоотношения за границей);
- 2) иностранного объекта (нахождение супружеского имущества за границей);
- 3) иностранного юридического факта (регистрация брака либо расторжение брака за рубежом).

Чтобы установить, право какого государства подлежит применению в том или ином случае, применяются коллизионные привязки.

Основной коллизионной привязкой в регулировании брачно-семейных отношений, как мы отметили при рассмотрении порядка регулирования различных институтов семейного права, является совместное место жительства членов семьи. Однако, практически все коллизионные нормы в анализируемых Конвенциях являются альтернативными и предусматривают варианты применения законодательства в зависимости от ситуаций. Например, в проанализированной выше ст. 30 Кишиневской Конвенции (ст. 27 Минской Конвенции) имеется сразу несколько привязок исходя из сложившейся ситуации. Так, в случае отсутствия у супругов совместного места жительства применяется закон государства их гражданства, при разных гражданствах, закон государства, где они имели последнее совместное место жительства и при отсутствии на территории государств-участников соглашения какого-либо совместного места жительства будет применяться законодательство того государства, компетентный орган которого рассматривает спор. Тем самым, Конвенции предоставляют супругам право выбора законодательства если указанные привязки отсутствуют.

В настоящее время в международном регулировании семейных правоотношений наблюдается тенденция перехода от жестких привязок к более гибким, позволяющим учесть все конкретные обстоятельства дела и защитить права и законные интересы наиболее слабой стороны правоотношения. К числу таких привязок относится отсылка к праву, наиболее благоприятному для одной из сторон. Так, согласно п. 3 ст. 1199 ГК РФ в случаях, когда лицо, находящееся под опекой (попечительством), имеет место жительства в Российской Федерации, применяется российское право, если оно более благоприятно для этого лица. В отдельных статьях Кишиневской Конвенции прослеживается позитивное отношение законодателя к подобному подходу. Например, в соответствии со ст. 35 Кишиневской Конвенции по требованию истца к алиментным обязательствам и другим отношениям между родителями и детьми может быть применено законодательство государства, на территории которого постоянно проживает ребенок. Следуя логике закона, можно сделать вывод о том, что судья применит право места жительства ребенка, если оно наиболее благоприятно для защиты прав последнего.

К числу гибких коллизионных привязок можно отнести так же повсеместно используемый принцип наиболее тесной связи, согласно которому отношение должно быть урегулировано правом того государства, с которым у лица взаимоотношения более реальны, обусловлены большим количеством фактов. Согласно этому подходу, судья изучает все обстоятельства дела, принимая во внимание гражданство сторон, их фактическое место жительства, место рассмотрения спора, иные требующие внимания факты, и, таким образом, определяет применимое право.

Основной актуальной проблемой в регулировании семейно-правовых споров граждан стран, входящих в состав СНГ остается параллельное действие двух конвенций и некоторые особенности их применения. Принятая в 1993 г. Минская Конвенция и протоколы к ней продолжают действовать при регулировании взаимоотношений граждан стран, не ратифицировавших принятую в 2002 г. Кишиневскую Конвенцию, к ним относятся Грузия, Республика Молдова и Туркменистан. Украина в 2022 г. вышла из Минской и не участвует в Кишиневской Конвенции.

При исследовании коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в рамках правового пространства Содружества Независимых Государств (СНГ) особую научную ценность представляет сравнительный анализ положений Минской (1993 г.) и Кишиневской (2002 г.) конвенций — двух ключевых международных договоров, определяющих порядок оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. Результаты сопоставления свидетельствуют о преемственности подходов и отсутствии принципиальных расхождений в содержании норм: большинство изменений в Кишиневской конвенции носит редакционный или уточняющий характер, направленный на повышение ясности, системности и процессуальной определенности.

Среди наиболее значимых уточнений, внесенных в Кишиневскую конвенцию по сравнению с Минской, выделим следующие:

Признание брака недействительным:

- согласно ст. 27 Минской и ст. 33 Кишиневской конвенций, основным коллизионным критерием выступает *lex patriae* (гражданство супругов);
- вместе с тем, правила подсудности дел о признании брака недействительным в новой редакции (ст. 33) сформулированы более четко и лаконично, что устраняет возможную двусмысленность при определении компетентности «учреждений юстиции». В частности, отсутствует избыточная дифференциация по месту проживания, что снижает риск коллизий юрисдикции.

Установление и оспаривание происхождения:

- ст. 34 Кишиневской конвенции (ранее — ст. 31 Минской) уточняет порядок выбора применимого права в случаях, когда гражданство ребенка не установлено или не может быть определено. Данное положение заполняет нормативный пробел, усиливая защиту прав ребенка как субъекта семейного права.

Регулирование усыновления:

- ст. 37 Минской конвенции предусматривала, что усыновление подчиняется *lex patriae* усыновителя на момент подачи заявления;
- Кишиневская конвенция (п. 1 ст. 40) вводит дополнительную оговорку: указанная привязка

применяется «если внутреннее законодательство Договаривающейся Стороны, гражданином которой является ребенок, не предусматривает иного». Таким образом, норма признает приоритет интересов ребенка, выраженный в *lex patriae minoris*, и согласуется с принципами Гаагской конвенции 1993 г. о защите детей;

- кроме того, в п. 3 ст. 40 Кишиневской конвенции введено уточнение, что при усыновлении супругами — гражданами разных государств — применение совокупности требований законодательств обеих сторон осуществляется с учетом положений п. 1 и 2 той же статьи, что исключает механистическое суммирование норм и обеспечивает их системное толкование.

Эти изменения свидетельствуют не о пересмотре фундаментальных принципов, а об эволюционном совершенствовании договорной конструкции на основе более чем десятилетнего практического опыта применения Минской конвенции.

Отдельную сложность в правоприменительной практике представляет неоднозначность понятия «место жительства», особенно в контексте участия иностранных граждан в семейных спорах. В российском праве понятие «место жительства иностранного гражданина» закреплено в Федеральном законе от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете...» [10], где (ст. 2) оно приравнивается к месту регистрации по месту жительства, доступному лишь лицам, имеющим вид на жительство или разрешение на временное проживание. Все иные категории иностранцев формально обладают лишь «местом пребывания», даже при фактическом постоянном проживании на территории РФ.

Это порождает юрисдикционные конфликты, в частности — отказы судов в принятии исков о воспитании детей, ссылаясь на неподсудность по гражданству ребенка, несмотря на его фактическое постоянное проживание в России.

Решающее значение для устранения данной неопределенности имеет Гаагская конвенция 1996 г. «О юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей», вступившая в силу для РФ с 1 июня 2013 г. [1].

Согласно ст. 5 Конвенции, юрисдикция по делам о родительской ответственности принадлежит судебным или административным органам государства обычного проживания ребенка (*habitual residence*), а не формального «места жительства» или гражданства.

Под местом обычного проживания как разъяснил в своем Определении от 26 февраля 2019 г. «о возложении обязанности не чинить препятствий в общении с ребенком — гражданином иностранного государства», Верховный Суд РФ [12] понимается место, которое «отражает некоторую степень интеграции ребенка в социальное и семейное окружение», т. е. фактиче-

ский центр жизненных интересов ребенка, выявляемый по совокупности обстоятельств: длительность и стабильность пребывания в государстве; посещение образовательного или дошкольного учреждения; владение языком; национальная, семейная и социальная интеграция (включая круг общения, участие в культурной жизни).

Согласно п. (b) ст. 3 Конвенции, к мерам по защите ребенка относятся, в том числе, права по опеке, включая определение места проживания ребенка, а также права на общение — вплоть до временного перемещения ребенка в другое государство.

Таким образом, Гагская конвенция 1996 г. устанавливает альтернативный и более гибкий критерий юрисдикции, позволяющий российскому суду рассматривать споры о порядке общения с ребенком, независимо от его гражданства, при условии установления его места обычного проживания на территории РФ.

В целом, коллизийное регулирование брачно-семейных правоотношений в правовом пространстве СНГ следует признать сформировавшимся и стабильным. Согласованность положений Минской и Кишиневской конвенций, дополненная современными универсальными договорами (в первую очередь, Гагскими конвенциями 1993 г. и 1996 г.), создает устойчивую нормативную основу для защиты прав граждан в трансграничном контексте.

Ключевым фактором эффективности механизма выступает высокая степень унификации семейного законодательства государств-участников СНГ, а также налаженное межведомственное взаимодействие компетентных органов юстиции и органов опеки. Вместе с тем, дальнейшее совершенствование требует:

- разработки единых разъяснений по толкованию понятий «место жительства» и «обычное место проживания» в контексте международных договоров;
- унификации форм запросов о правовой помощи и процедур их исполнения;
- расширения применения медиативных процедур при разрешении межгосударственных семейных споров, что соответствует положениям ст. 7 Семейного кодекса Республики Молдова и доктрине ВС РФ.

Список источников

1. Гагская конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (г. Гаага, 19 октября 1996 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 24. Ст. 3070.
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Кишинев, 7 октября 2002 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Минск, 22 января 1993 г.) (с изм. от 28 марта 1997 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Семейный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 781-IQ «LegalActs») (в ред. 1 мая 2025 г. № 188-VIIQD) // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2604
5. Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 г. № 1316-XIV (в ред. Закона Республики Молдова от 30 апреля 2025 г. № 89, вступ. в силу 20 июня 2025 г.) // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3480
6. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. № 682 (в ред. от 3 января 2024 г.) // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30445181
7. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 1 сентября 1998 г. (введен в действие Постановлением Олий Мажлиса РУ № 608-I от 30 апреля 1998 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421452
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г., вступ. в силу частично с 5 февраля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 июля 2021 г. № 53-КГ21-5-К8 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2018958/
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 февраля 2019 г. № 5-КГ 18-325 // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2uhaZJuKLZdo/>
13. Левушкин А. Н. Современное состояние и проблемы совершенствования законодательства в сфере усыновления в странах СНГ и Балтии // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 85–88.

References

1. The Hague Convention on jurisdiction, applicable law, recognition, enforcement and cooperation in respect of parental responsibility and measures for the protection of children (the Hague, October 19,

- 1996) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 24. Art. 3070.
- Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters (Chisinau, October 7, 2002) // LRS «ConsultantPlus».
 - Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters (Minsk, January 22, 1993) (as amended on March 28, 1997) // LRS «ConsultantPlus».
 - Family Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 28, 1999 № 781-IQ «LegalActs») (as amended on May 1, 2025 № 188-VIIQD) // URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2604
 - Family Code of the Republic of Moldova dated October 26, 2000 № 1316-XIV (as amended by the Law of the Republic of Moldova dated April 30, 2025 № 89, entered into force on June 20, 2025) // URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3480
 - Family Code of the Republic of Tajikistan № 682 dated November 13, 1998 (as amended dated January 3, 2024) // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30445181
 - Family Code of the Republic of Uzbekistan dated September 1, 1998 (entered into force by Resolution of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan № 608-I dated April 30, 1998) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421452
 - Family Code of the Russian Federation № 223-FZ of December 29, 1995 (as amended dated November 23, 2024, entered into force partially on February 5, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
 - Federal Law of November 15, 1997 № 143-FZ «On acts of civil status» (as amended of August 8, 2024) // LRS «ConsultantPlus».
 - Federal Law of July 18, 2006 № 109-FZ «On migration registration of foreign citizens and

- stateless persons in the Russian Federation» (as amended of July 31, 2025) // LRS «ConsultantPlus».
- Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 20, 2021 № 53-KG21-5-K8 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2018958/
 - Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 26, 2019 № 5-KG 18-325 // URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2uhaZJuKLZdo/>
 - Levushkin A. N. The current state and problems of improving legislation in the field of adoption in the CIS and Baltic countries // Gaps in Russian legislation. 2010. № 3. P. 85–88.

Библиографический список

- Венская конвенция о консульских сношениях (г. Вена, 24 апреля 1963 г.) // URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/1907714>
- Протокол к Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Минск, 28 марта 1997 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
- Консульская конвенция между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой (г. Бишкек, 25 января 1994 г.) // URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kg/1673466/>

Bibliographic list

- Vienna Convention on Consular Relations (Vienna, April 24, 1963) // URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/1907714>
- Protocol to the Minsk Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Minsk, March 28, 1997) // LRS «ConsultantPlus».
- Consular Convention between the Russian Federation and the Kyrgyz Republic (Bishkek, January 25, 1994) // URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/kg/1673466/>

Информация об авторе

О. А. Ищенко — профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Ishchenko — Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Far Eastern Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.